

изучение материалов уголовного дела перед допросом неизменно должно привести к повышению качества расследования в целом.

В любом случае все тактические приемы должны основываться на законе и соответствовать нравственным требованиям [4, С. 219–224].

По нашему мнению, критерий допустимости применения тактического приема при расследовании преступлений следует понимать такой его признак, который указывает на возможность воспользоваться им в условиях создавшейся следственной ситуации.

Мы согласны с определением допустимости тактических приемов, которое дал С. Ю. Якушин еще в 1983 г. Это определение в полной мере остается актуальным. По его мнению, допустимость тактических приемов при расследовании преступлений представляет собой возможность применения этих приемов, обусловленную их соответствием требованиям законности, принципам ... нравственности, их научной обоснованностью, эффективностью и избирательностью. [6, С. 36]

Успех допроса зависит от того, насколько следователь умеет убеждать в своей правоте оппонента. Вряд ли следователь сможет добиться успеха в убеждении, если он слабо владеет речью, логикой, демонстрирует незнание психологии, не владеет тактическими приемами, в том числе преодоления противодействия, не умеет оказывать законное воздействие на допрашиваемое лицо.

Успех допроса зависит также от того, насколько следователь понимает свою задачу, насколько он владеет криминалистической тактикой.

Список литературы:

1. Зашляпин, Л. А. Формальные средства в допросе / Л. А. Зашляпин // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — СПб. — 2018. — С. 229–233.

2. Корсаков, К. А. Проблемы выявления, фиксации и использования невербальной информации в процессуальных действиях вербального характера / К. А. Корсаков // Процессуальные действия вербального характера. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. — СПб.: ИД «Петрополис», — 2017. — С. 85–88.

3. Курс криминалистики в 3-х томах / под ред. д. ю. н., проф. О. Н. Коршуновой. — СПб.: «Юридический центр», — 2016. — Т. 1. — 602 с.

4. Россинский, С. Б. О некоторых этических аспектах допроса в условиях действия современного уголовно-процессуального закона / С. Б. Россинский // Криминалистика — наука без границ: традиции и нова-

ции Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Составитель О.С. Лейнова. Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации (Санкт-Петербург). — 2019. — С. 219–224.

5. Сидоренко, Е. В. Допрос на досудебной стадии как подготовительный этап к допросу в судебном разбирательстве / Е. В. Сидоренко, В. В. Конин // Рос. правосудие. — 2019. — № 6. — С. 97–104

6. Якушин, С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений / С. Ю. Якушин. Казань, — 1983. — 102 с.

Стрелкова Ю.В.

Проблемы допустимости показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при рассмотрении уголовного дела в суде присяжных

В статье рассматривается проблематика запрета изучения данных о заключении досудебного соглашения в присутствии присяжных заседателей. Признавая допустимость допроса лица, заключившего досудебное соглашение, автор обосновывает необходимость сообщения коллегии присяжных процессуального статуса этого лица, в том числе, анализируя иные запреты, действующие при производстве в суде присяжных. По мнению автора, эта информация должна сообщаться председательствующим судьей на основе единого образца такого разъяснения.

Ключевые слова: суд присяжных, данные о личности, досудебное соглашение о сотрудничестве, судебное следствие.

Problems of Admissibility of Testimony of the Person Who Agreed to Pre-Trial Cooperation in a Criminal Case before a Jury

Abstract. The article discusses the prohibition problem of studying data of a pre-trial contracting in the presence of a jury. Recognizing the admissibility of interrogating a person who has entered into a pre-trial agreement, the author substantiates the need to inform the jury of the procedural status of this person, by analyzing other prohibitions in jury trial proceedings. According to the author, this information should be pronounced by the presiding judge on the basis of a uniform specimen of such explanation.

Keywords: jury trial, personal information, pre-trial cooperation agreement, judicial investigation.

Допустимость исследования в суде присяжных показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не может быть рационально оспорена, исходя из каких-либо специфических характеристик этой формы судопроизводства. До тех пор, пока институт досудебного соглашения существует в российском законодательстве, показания соучастников, использовавших соглашение, оказываются в числе доказательств по иным уголовным делам независимо от формы их рассмотрения. Вместе с тем определение показаний соучастника в качестве допустимого доказательства вызывает ряд специфичных вопросов, связанных с особенностями производства в суде присяжных.

Ключевой проблемой в этом случае оказывается вопрос о сообщении присяжным информации о заключении досудебного соглашения с допрашиваемым в их присутствии лицом. Судебная практика рассматривает такое информирование коллегии как нарушение, которое может повлечь, при определенных условиях, отмену вынесенного приговора (например, см. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2019 г. № 33-АПУ19-23сп). Этот подход справедливо критикуется отдельными авторами [2, С. 42–45], однако при общем согласии с их позицией, не во всех случаях можно согласиться и с предлагаемой аргументацией. По этой причине представляется важным рассмотреть запрет на сообщение сведений о досудебном соглашении в контексте иных ограничений, действующих при производстве в суде присяжных.

Сообщение сведений о заключении досудебного соглашения допрашиваемым лицом может быть связано с двумя «классическими» ограничениями, действующими в суде присяжных: запретом на исследование процессуальных вопросов и ограничением изучения данных о личности участников процесса. Рассмотрение сообщения сведений о заключенном досудебном соглашении в двух указанных ракурсах позволит оптимально проанализировать природу запрета на сообщение этих данных и, соответственно, его обоснованность.

Отнесение рассматриваемых данных к категории процессуальной информации следует из позиции Пленума Верховного Суда РФ, перечисляющего отдельные виды процессуальных вопросов, не подлежащих исследованию в присутствии присяжных заседателей: «постановление о выделении в отдельное производство уголовного дела в отношении соучастника преступления и процессуальные решения по такому делу» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 № 23, п. 21). Общая логика запрета на изучение данных этой категории связывается с их выходом за пределы компетенции присяжных

и способностью вызывать предубеждение у коллегии в отношении подсудимого и «других участников процесса». Соответственно, вопрос о способности таких данных вызывать предвзятость имеет двойное значение: самостоятельное (вне зависимости от отнесения к числу процессуальной информации) и в качестве признака определенных процессуальных сведений.

Запрет на изучение данных о личности участников. Общий запрет изучения данных о личности участников процесса (помимо подсудимого) был сформулирован судебной практикой [3, С. 1218–1219]. Таким образом, положение, существенно ограничивающее процессуальные возможности сторон, не имеет нормативного закрепления и обосновывается судами комплексным толкованием ряда процессуальных норм. Запрет равным образом распространяется на все возможные процессуальные источники получения информации о личности (показания свидетелей, потерпевшего, подсудимого, любые письменные материалы), что позволяет рассматривать его и самостоятельно, без привязки к «процессуальным данным». Представляется, что способ его закрепления нельзя считать надлежащим: едва ли возможно преодолеть волю законодательной власти, указавшей лишь на ограничения в исследовании данных о личности подсудимого (вероятно, признавая необходимость исследования данных о личности других участников для проверки достоверности их показаний), путем расширительного судебного толкования.

Однако, несмотря на критическое отношение к самому способу легализации запрета на изучение данных о личности свидетелей, лица заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и потерпевшего, его необходимо проанализировать в целях настоящей статьи ввиду сложившейся правоприменительной практики. Ключевой вопрос в этом случае состоит в способности информации о факте заключения досудебного соглашения вызывать эффект предвзятости в оценке показаний, в том числе с учетом обстоятельств судебного допроса.

Допрос лица, заключившего досудебное соглашение, как правило, происходит в атмосфере очевидности его лишения свободы, и при таких условиях необходимость скрывать данные о процессуальном статусе участника именно в контексте его привлечения к уголовной ответственности объективно отсутствует: для коллегии присяжных очевидно, что допрашиваемое лицо привлекается или привлечено к уголовной ответственности, находится под контролем правоохранительных органов, дает показания против подсудимого. Неочевидным для присяжных остается лишь вопрос наличия соглашения и его легальной, либо неправо-

вой основы. Представляется, что в таком контексте возникновение субъективных выводов (любой направленности) о мотивации допрашиваемого неизбежно изначально, ввиду чего предоставление объективной информации о существовании досудебного соглашения является одним из способов обеспечения адекватного восприятия показаний. Без таких сведений показания лица могут восприниматься присяжными на основе любых установок и предположений, возможно, даже более критичных, чем при обладании ими достоверной информацией о статусе допрашиваемого соучастника.

Вместе с тем, несмотря на очевидность отличий в положении лица, заключившего досудебное соглашение, от положения иных свидетелей, его процессуальный статус может оцениваться присяжными как статус свидетеля, пока им не сообщено иное. Аналогичным образом (как свидетель) это лицо будет восприниматься и в том случае, если стороной обвинения будет найден способ допросить его в нейтральной обстановке, лишенной визуальных атрибутов, ассоциирующихся с лишением свободы.

Представляется, что с момента выделения в уголовно-процессуальном законодательстве нового участника в обоих указанных случаях происходит молчаливая подмена доказательств в восприятии присяжных. Эта подмена критична не только из-за самого факта введения в заблуждение коллегии присяжных, но и ввиду содержания скрываемых сведений: под видом показаний свидетеля (нейтрального участника) демонстрируются показания лица, заведомо имеющего собственный процессуальный интерес в рассматриваемом деле. Именно наличие такого интереса послужило основой создания нового процессуального статуса. Как указал Конституционный Суд РФ, «такое лицо сохраняет процессуальный интерес в исходном уголовном деле, в рамках которого было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, поскольку предъявленное ему обвинение непосредственно связано с обвинением, предъявленным лицу, считающемуся его соучастником и являющемуся подсудимым по основному делу... в связи с этим сообщаемые обвиняемым по выделенному уголовному делу сведения... определенным образом затрагивают и его личные интересы» (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40¹ Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко»). Наличие собственного интереса в этом случае оказывается важным и в контексте оценки достоверности показаний.

Проблемы компетенции. Как было указано ранее, Пленум Верховного Суда РФ, выделяя блок «правовой» информации, запрещенной к изучению в присутствии присяжных, указывал и на ее выход за пределы компетенции коллегии. Эта оценка справедлива по отношению к иным видам сведений, перечисленным в соответствующем пункте Постановления: процессуальные решения (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого), обсуждение и разрешение вопросов и ходатайств, направленных на обеспечение условий судебного разбирательства, вопросы, касающиеся меры пресечения. До принятия изменений в УПК РФ, когда заключивший соглашение соучастник имел статус свидетеля, и его нейтральность, таким образом, презюмировалась, изучение сведений о выделении его дела действительно, с определенными оговорками, было бы схоже с остальными видами данных, указанных в Постановлении. Вместе с тем изменение процессуального статуса такого соучастника, во-первых, подчеркнуло его заинтересованность в даче показаний и отличие от свидетеля, и, во-вторых, изменило вид доказательства, получаемого при его допросе. Таким образом, после принятия поправок в УПК РФ эта информация стала необходимой для оглашения присяжным в целях обеспечения надлежащего понимания ими вида исследуемого доказательства.

Признавая необходимость сообщения информации о заключении досудебного соглашения, мы полагаем важным определить и форму доведения таких сведений. С учетом самой специфики института досудебного соглашения, неоднозначного отношения к нему даже со стороны научного сообщества, едва ли возможно отрицать, что разъяснение его сути присяжным требует особо взвешенного и тщательного подхода. По этой причине такая информация, на наш взгляд, должна предоставляться в форме разъяснения председательствующего судьи, основанного на стандартном унифицированном тексте.

Практика создания унифицированных текстов для разъяснения присяжным правовых вопросов (модельных инструкций) знакома ряду стран общего права. Робкая попытка воспринять этот опыт была принята в научно-практическом пособии Верховного Суда РФ, содержащем «вариант напутственного слова», по сути, представляющего собой различные вариации разъяснения норм материального уголовного права и рекомендации по составлению остальных блоков напутствия [1, С. 181–232].

Представляется, что эта практика приобретает критически важное значение в разъяснении сложных правовых вопросов, в том числе и тех, которые сложно разъяснить дозированно и нейтрально, как в случае с

разъяснением содержания института досудебного соглашения. Безусловно, пределы разъяснений, как и конкретные формулировки, должны стать в этом случае предметом широкого обсуждения научного сообщества и практиков уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Алексеева, Л. Б. Рассмотрение дел судом присяжных. Научно-практическое пособие / Л. Б. Лебедева, Е. П. Кудрявцева, П. А. Лупинская, Л. Г. Поспеева, Н. В. Радутная, А. П. Шурыгин, отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрид. литература, — 1998. — 288 с.
2. Кулаков, А. А. К вопросу о допустимости допроса лиц, сотрудничающих с правосудием, в качестве свидетелей и оглашения их показаний в суде с участием присяжных заседателей / А. А. Кулаков // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 2–7. — С. 42–45.
3. Насонов, С. А. Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению / С. А. Насонов // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 6. — С. 1215–1221.

Эйвазов А.Х.

Проблема допустимости свидетельских показаний по уголовным делам о преступлениях против правосудия

Особое место в системе средств доказывания по уголовным делам против правосудия занимают свидетельские показания. Складывающаяся судебно-следственная практика свидетельствует, что вопрос допустимости свидетельских показаний имеет особое практическое юридическое значение по данной категории дел.

Ключевые слова: уголовный процесс, криминалистика, свидетель, показания, преступления против правосудия.

The Problem of Admissibility of Testimony in Criminal Crime Cases against Justice

Abstract. Testimony occupies a special place in the system of means of evidence in criminal cases against justice. The emerging judicial and in-

vestigative practice shows that the issue of the admissibility of witness testimony is of particular practical legal significance in this category of cases.

Keywords: criminal procedure, criminalistics, witness, testimony, crimes against justice.

Один из древнеримских принципов судебного процесса как по уголовным делам, так и по гражданским выражался в императиве «*impuris manibus nemo accedat curiam*» (от лат. «пусть никто не приближается к суду с нечистыми руками»), который выступал руководящим началом для всех участников процесса, особенно для имеющих высокое звание юристов как представителей особого сословия.

Великий древнеримский юрист Ульпиан, обозначая функцию и предназначение юристов, раскрыл сущность юриспруденции следующим образом: «По заслугам нас называли жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, а не к мнимой» [1].

Современное состояние уголовной политики в сфере борьбы с преступностью согласно официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018 г. отмечается резким ростом на 6 % числа осуждений по преступлениям против правосудия (глава 31 УК РФ). Преступления против правосудия отличаются высокой степенью латентности, в криминологическом плане можно отнести, используя терминологию американского криминолога Э. Х. Сатерленда, к так называемым «беловоротничковым преступлениям» [2, С. 48].

В ходе диссертационного исследования воспринята позиция видного советского юриста-ученого Я. М. Кульберга, который требовал строго разделять преступления против правосудия на две группы по признакам субъекта преступления:

- 1) преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами;
- 2) преступления против правосудия, совершаемые отдельными гражданами [4, С. 8–9].

Обращает на себя внимание, что собственно преступления против правосудия, совершенные должностными лицами правоохранительных и судебных органов обуславливаются наличием специального субъекта преступления, имеющего высшее юридическое образование, осведомленного о тактике и методике работы судебно-следственных органов,